

УДК 801.5:805.0

РУМЫНСКАЯ, ПРОВАНСАЛЬСКАЯ И КАТАЛАНСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.Г. Кузнецов

Систематизируются и анализируются румынские, провансальские и каталанские заимствования, вошедшие в русский лексикон с XVI века по настоящее время. Этот феномен рассматривается в историко-культурологическом аспекте, на фоне деловых и культурных связей между Россией, Румынией и Молдовой.

Ключевые слова: лексика; словарь; язык; заимствование; русский; румынский; молдавский; провансальский; каталанский.

Прежде всего, о понятии “молдавский язык”. В советское время он по чисто политическим причинам приобрел статус самостоятельного языка. В настоящее же время большинство лингвистов не выделяют его в отдельный язык, а говорят о молдавском диалекте дако-румынского языка, существующего вместе с другими региональными румынскими диалектами. В конце 80-х гг., перед распадом Советского Союза, молдавские филологи и писатели отказались от идеи культивирования молдавского языка, признавая явную идентичность литературного молдавского и румынского. Мы тоже придерживаемся данного мнения.

По сравнению с другими романскими языками, заимствования из румынского языка в русской лексике незначительны – около тридцати слов. Это объясняется рядом причин и прежде всего характером взаимоотношений между двумя народами. Несмотря на наличие целого ряда общих культурных черт у румын и русских, включая общую религию, многие элементы языка, быта и культуры, отношения между народами не всегда были равными, а порой и весьма напряженными.

В 1717 г. молдавский господарь Дмитрий Кантемир присягнул на верность России и вскоре стал одним из приближенных Петра I. Россия была союзником Румынии в ее борьбе против турок. В 1774 г., в соответствии с условиями Кючук-Кайнарджийского мира, одно из румынских княжеств – Молдова – попадает под российский протекторат, а в 1812 г. часть ее территории, находящаяся между реками Прут и Днестр (Бессарабия), отходит к своему восточному соседу. Таким образом, часть Молдовы вошла под эгиду Российской империи и стала именоваться Бессарабской губернией.

В период с 1918 по 1940 г. Бессарабия входила в состав Румынии, а в 1940 г. была образована Молдавская ССР, просуществовавшая до 1991 г. Что же касается дипломатических отношений между Россией и Румынией, то они были установлены только в 1878 г.

Таким образом, история российско-румынских отношений была не столь длительна и устойчива, как, например, история отношений с другими странами романского ареала – Францией, Италией, Испанией. Но не только продолжительность межгосударственных отношений определяла объем румынских заимствований. Большое значение здесь имели деловые, экономические, культурные контакты, а также уровень развития страны, народа. Безусловно, Румыния во многом уступала высокоразвитым европейским странам, какими были Италия или Франция, но, тем не менее, кое-что из того самобытного и характерного, что имелось в ее культурном наследии, традициях и повседневной жизни было воспринято и нашло отражение в русском языке.

Пальму первенства здесь надо отдать румынской и молдавской музыке, песням, танцам – на территории СССР они были известны повсеместно. Благодаря популярным в то время молдавским ансамблям, гастролировавшим по всей стране, в русском лексиконе закрепились слова *дойна* (*doina*), *жок* (*joc*), молдовеняска (*moldoveneasca*), сырба (*sârba*). Конечно, эти слова были известны русским и в XIX в. Так, несколько лет спустя после вхождения Бессарабии в состав России, молодой Пушкин, отбывавший там ссылку (1820–1823), написал сатирические куплеты – пародию на местное дамское общество – “Дай, Никита, мне одеться...”.

Как отмечает литературовед Т. Цявловская, стихотворение “было написано в ритме *джока*, распространенного в Кишиневе молдавского танца” [1].

Стали известны также названия румынских музыкальных инструментов: дрымба (*drimba*) – род варгана; флуер (*fluier*) – флейта, свирель; бучум (*bucium*) – сигнальная труба, близкая гуцульской трембите; тараф (*taraf*) – название группы народных музыкантов, оркестра, в свою очередь заимствованное из турецкого языка.

Внедрению молдавских слов в русскую лексику способствовали даже сами названия исполнительских коллективов: оркестра молдавских инструментов “Флуераш” (досл.: исполнитель на флейте, музыкант), хоровой капеллы “Дойна”, ансамбля танца “Жок”, ансамбля “Лэураты” и др. Интересна этимология названия музыкального фестиваля “Мэрцишор” (рум. *Mărțișor*, от *martie* – март) – традиционный праздник встречи весны в Молдавии и Румынии. В Молдавии фестиваль “Мэрцишор” стал проводиться с 1967 г.

Благодаря известному фильму Эмиля Лотяну “Лаутары”, русский язык пополнился еще одним заимствованием – словом лэутар (рум. *lăutari*, лэутарь) – так назывались традиционные молдавские и румынские народные певцы, инструменталисты. Название происходит от слова “лэута” или “алэута” – (старинный инструмент, род лютни).

И если заимствования румынского (молдавского) происхождения, связанные с культурой, искусством известны всё же ограниченному кругу лиц, то слова, означающие продукты питания или блюда национальной кухни известны всем. Прежде всего, это мамалыга (*mămăligă*) – круто заваренная кукурузная каша. Интересна этимология этого слова. Обычно его считают происходящим из “детского языка”, от слова *tama* в значении “пицца”. По мнению М. Руссо, в мегленорумынском языке есть слово *tamă* – жидкая кукурузная каша, от которого *mămăligă* может быть производным. Возможно также, что это слово связано с латинским *tamilla* – сосок, грудь – уменьшительным к *tamma* – вымя [2].

Долгие годы кукуруза и блюда, приготовленные из нее, оставались основным продуктом питания большинства населения Молдавии и Румынии, и нередко можно было услышать оскорбительное “мамалыжник” (подобно тому, как итальянцев называли “макаронниками”, а французов “лягушатниками”). Кстати, о кукурузе: Макс Фасмер приводит в качестве возможных источников происхождения этого слова румынское *sicuruz* – еловая шишка и болгарские *моморуз*, *момороз* – кукуруза, от которых уже один шаг до *мамалыги*. Впол-

не возможно, что и слово “ватрушка” румынского происхождения (рум. *vatră*).

Не менее распространено в русском языке и слово “брынза” (рум. *brânză*). Это слово очень древнее и относится к языку даков – народа, населявшего территорию современной Румынии, до ее захвата римлянами. Согласно Фасмеру, слово “брынза” пришло в русский язык через посредство украинского или польского [3]. Высказывается также предположение, что оно было заимствовано из латинского *brandeum* – льняная ткань, в которой созревал сыр.

Из других заимствований “гастрономического” характера из румынского языка можно отметить такие слова, как гивеч (овощной салат), гогошар (сорт перца), плацинда (сладкий пирожок), морс (напиток). Впервые слово “морс” упоминается в XVI в. в “Домострое” (“малиновый морс”, “и меды, и пива, и морсы”). Ему созвучно румынское слово *mursă*, которое в свою очередь восходит к латинскому *mulsa*, *mulsum* – вино с медом, медовый напиток, – отмечает М. Руссо [2]. Вошло в русский вокабуляр и название широко распространенного в Молдавии и Румынии сорта винограда, а также вина, из него произведенного, – фетяска (*fetească*).

Следующая группа румынских заимствований представлена словами-реалиями, связанными с государственным устройством, национальной валютой страны. В их числе: господарь (*hospodar*, *gospodar*) – титул правителей Молдавского княжества и Валахии в XIV–XIX вв.; Сфатул Цэрий (*Sfatul Țării*) – Совет края – орган государственной власти в Бессарабии; Сигуранца (*Siguranța*) – охранка, политическая полиция в монархической Румынии; жудец (*județ*) – административно-территориальная единица Румынии; лея, бань (*leu*, *bani*) – денежные единицы Румынии до введения евро (1 лея = 100 бань).

Любопытно, что названия организаций Сфатул Цэрий и Сигуранца получили в СССР широкую известность после выхода в свет сатирического романа И. Ильфа и Е. Петрова “Золотой теленок”, главный герой которого Остап Бендер, неудачно пытавшийся бежать через румынскую границу, осыпает бранью грабивших его пограничников: “Но, но! Я на вас буду жаловаться в Сфатул Цэрий... Сигуранца проклятая!” [4].

К группе слов-реалий можно отнести и имя известного правителя Валахии XV в., боровшегося за освобождение страны от турецкого владычества, графа Влада Дракулы (Цепеша). Влад Дракула (*Vlad Drăculea*) – уменьшительная форма эпитета *Dracul* (дракон). Прозвище “Цепеш” (“Колосажатель”, от *țeară* – “кол”) он получил за жестокость в расправе с врагами и подданными, которых сажал на кол.

Многие слова-реалии можно встретить в “Воспоминаниях о Бессарабии” А.В. Вельтмана (1800–1870) – писателя, офицера русской армии, служившего в 20-х гг. в Бессарабии, где он сблизился с А.С. Пушкиным и В.Ф. Раевским. Описывая жизнь в Кишиневе тех лет, Вельтман нередко вкраплял в русскую речь молдавские слова, сопровождая их пояснениями: *талгарь* – разбойник, *кушма* – высокая мерлушковая шапка, *кочула* – боярская шапка, *фермела* – женская одежда, безрукавка и др. Но, как показало время, эти молдавские реалии не закрепились в русском языке, однако другие слова, упоминаемые Вельтманом, – *мамалыга*, *брынза*, *джок* (*жсок*) – давно уже пополнили русский лексикон [5]. Впрочем, одно из упоминаемых писателем слов автору этих строк довелось слышать в послевоенные годы в Одессе. Это слово *куламула* – производное от *кочула* (*căciulă*) – так там называли молдавские конусообразные папахи.

Особняком стоит румынское заимствование *кацап*, т. е. русский. Возможно, так в Молдавии называли поселившихся там бородатых русских старообрядцев Румынское слово *țap* (читается *цан*) означает “козел”; *са țap* – “как козел”. Иногда считают, что слово *кацап* возникло в украинском языке, в котором тоже есть заимствованное из румынского словечко *цан* (козел). Как заметил Фасмер, “Бритому украинцу бородатый русский казался козлом”.

Романские заимствования составляют значительный пласт словарного запаса русского языка. Первое место в нем, безусловно, принадлежит французскому языку. Далее идут языки: итальянский, испанский, португальский, румынский, провансальский и каталанский. Заимствования из других языков романской группы – галисийского, сардинского и ретороманского – еще не зафиксированы.

Несколько особняком стоит окситанский язык. Этот язык еще называют провансальским или лангедокским (*langue d’oc* – досл. язык “ок”, от утвердительной частицы *oc* – *да* < лат. *hoc*), являющимися в сущности его диалектами. Окситанский язык в прошлом был широко распространен в ряде областей южной Франции, в том числе и в Провансе. В настоящее время он почти вытеснен французским, но на его диалектах еще говорят около 10 миллионов человек.

Большинство окситанских слов вошло в русский язык благодаря провансальской поэзии, основоположниками которой были средневековые поэты-певцы, известные как трубадуры (фр. *troubadours*, окс. *trobador*). Наряду с самим словом “трубадур”, русский язык пополнился также названиями некоторых песенных жанров провансаль-

ской поэзии – кансона (или канциона, окс. *canso*, ит. *canzone* – песня); баллада (окс. *balata* – плясовая); сирвента (*sirventes* – служебная песня, тематическая разновидность кансоны); пасторела или пастурель (*pastorella* – песня, изображающая беседу рыцаря с пастушкой); альба (*alba* – утренняя заря) и др.

Интерес к провансальской поэзии пробудился в России в начале XIX в., благодаря переводам В. Жуковского и статье А. Пушкина (1825), в которой поэт отметил то большое влияние, которое оказала поэзия трубадуров на всё дальнейшее развитие европейской словесности. В частности, он писал: “Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее всевозможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились *virelai* (вирелэ. – А.К.), баллада, рондо, сонет и проч.” [6].

Появилось немало стилизаций, однако наиболее близкими к поэзии трубадуров были стихи В. Брюсова, “без видимого усилия вживавшегося в сложные строфические формы куртуазной лирики”. В подлиннике читал окситанских поэтов А. Блок. В пьесе, посвящённую эпохе трубадуров, “Роза и Крест” поэт включил точный перевод части одной из сирвент Бертрана де Борна (окс. *Ve-m platz lo gais temps de pascor...*) [7].

В середине XIX в. во Франции началось движение за возрождение и развитие литературы на провансальском языке, представителей которых называли “фелибрами” (пров. *felibres*) – это слово можно встретить в литературоведческих трудах. Наконец, само название исторической области на юго-востоке Франции “Прованс” (фр. *Provence*, окс. *Provença*, букв. “провинция”) вошло в состав некоторых устойчивых выражений русского языка – “Прованское масло” (так раньше на Руси называли оливковое масло), соус “Провансаль” и, наконец, “Кот де Прованс” (*Côtes de Provence*) – самое известное марочное вино Прованса.

Обращает на себя внимание фонетическая близость русского слова “тыква” с окситанским (лангедокским) *tüko* – *тыква, голова*. По мнению М. Фасмера, заимствование этого слова из славянских языков “малоправдоподобно” [3]. Скорее всего, это просто совпадение.

В силу исторически сложившихся обстоятельств, заимствования из каталанского (*català*) появились в русском языке лишь в последние десятилетия, благодаря бурному развитию туризма, хотя некоторые слова были зафиксированы и раньше. В их числе – *сардана* (кат. *sardanes*) – название самого популярного в Каталонии танца, и *кобла* (*cobla*) – инструментальный ансамбль, под аккомпанемент которого обычно исполняется этот танец.

Ряд каталанских заимствований относится к словам-реалиям, связанным с традициями и культурным наследием народа. К ним можно также отнести **коррефок** (кат. *correfocs*, досл. “бег огня”) – разновидность фейерверка; **жегантс** (*gegants* – гиганты) – трехметровые куклы – неизменные участники “шествий гигантов”, организуемых во время праздничных мероприятий.

Расцвет каталонской архитектуры во второй половине XIX в., во многом связанный с деятельностью выдающегося архитектора Антони Гауди (1852–1926), способствовал широкому распространению некоторых каталанских слов. Это: **Саграда Фамилья** (*Sagrada Família* – Святое семейство) – название храма Святого Семейства в Барселоне работы Гауди; **палау** (*palau* – дворец), например, концертный зал *Palau de la Música* (Дворец музыки) или *Palau Nacional* (Национальный Дворец); **Рамбла** (*Rambles*) – пешеходная улица в центре каталонской столицы; **Педрера** (*Pedrera* – досл. *каменоломня*, от *pedra* – *камень*) – жилой дом, построенный по проекту Гауди, ныне музей.

Проведение в Барселоне в 1992 г. Всемирной олимпиады и успехи футбольной команды, знаменитой “Барсы” вызвало к жизни новые слова: **Камп Ноу** (*Camp Nou*, досл. *новое поле*) – стадион футбольного клуба “Барселона” и, конечно же, **“Барса”** (*Barça*). К этим словам можно еще добавить и название известного шипучего вина, “каталонского шампанского” – **кава** (*cava*).

Настоящей статьей автор заканчивает цикл публикаций, посвященных романским заимствованиям русского языка. Безусловно, значительная

часть романской лексики давно уже стала достоянием русского литературного и разговорного языка, органично вошла в его контекст. Она ничуть не обеднила его, не сузила национальную сущность, а, наоборот, обогатила его новыми терминами и понятиями, внесла в его звучание новые яркие краски и оттенки.

Литература

1. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. I. Стихотворения 1913–1924 гг. / А.С. Пушкин. М., 1974. С. 717–718.
2. Руссо М. Брынза, морс и кацап / М. Руссо // История слов по понедельникам. № 15 (13 окт. 2008) [Электронный ресурс]. URL: www.ezhe.ru/issue060.html
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1964–1973.
4. Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2 / И.А. Ильф, Е.П. Петров. М., 1961. С. 383–386.
5. Вельтман А.Ф. Воспоминания о Бессарабии / А.Ф. Вельтман [Электронный ресурс]. URL: www.az.lib.ru/w/welxtman_a_f/text_0080.shtml
6. Пушкин А.С. О поэзии классической и романтической / А.С. Пушкин // Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. М., 1976.
7. Шайтанов И., Афанасьева О. Урок по Средним векам. Куртуазная поэзия. Примечания / И. Шайтанов, О. Афанасьева // Зарубежная литература 10–11 классы. Элективный курс. См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Трубадуры>